

С. В. Джунджузов**Правовое регулирование поселения калмыков в Оренбурге в 40-е годы XVIII века**

Оренбург стал вторым после Ставрополя-на-Волге городом, в окрестностях которого было позволено селиться крещеным калмыкам. В статье рассматриваются правовые коллизии, с которыми сталкивалась оренбургская губернская администрация в процессе размещения калмыков на Южном Урале, и их разрешение на правительственном уровне. К ним относились вопросы, связанные с имущественными обязательствами и ответственностью калмыков за совершенные правонарушения. В соответствии с российско-калмыцкими договорами на постоянное жительство в России допускались только крещенные калмыки, и то лишь на отведенной им в Среднем Поволжье территории. Однако первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев сумел убедить правительство в необходимости размещения крещеных калмыков в крепостях на Яике и тем самым обеспечить усиление обороноспособности Российской империи в юго-восточном пограничье.

Ключевые слова: губерния, договор, крещенные калмыки, поселение, право.

Калмыки по праву относятся к старожилам Оренбургского края. Регулярные сношения между яицкими казаками и калмыками отмечаются с 1629 г. В приложении к первому тому своего фундаментального исследования истории уральских казаков А. Б. Карпов поместил текст донесения самарского воеводы Бориса Салтыкова. В нем говорилось, что прибывшая в Самару 17 мая 1630 г. станица яицких казаков во главе с Прошкой Филиппевым привезла известие о появлении еще до наступления зимы вблизи Яицкого городка первой партии калмыков. Тогда же казакам пришлось отбить и первую атаку воинственных кочевников [12, с. 865—866]. В тридцатых годах XVII в. калмыки окончательно утвердились в междуречье Яика и Волги и со временем небольшими группами или единолично стали вливаться в располагавшиеся в этом районе казачьи войска. В 1745 г. на землях Яицкого войска числилось 684 калмыка, часть из которых были включены в казачий реестр. В том же году калмыцкие зайсанги Цой Берда и Лорой Гецуль обратились с прошением к оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву разрешить им и их людям в числе 70 кибиток (семей) поселиться «в верхние по Яику городки своекошными казаками». Они соглашались нести караульную службу и перевозить почту, не требуя провианта. Взамен же просили дозволения на занятия торговлей, охотой и рыболовством. Губернатор счел нужным прошение удовлетворить: «...ибо оные крепости казаками оскудевают. Калмыки же тут жить и служить на своем кошту охотятся» [2, л. 92].

План Неплюева по расселению калмыков в верхнеяицких крепостях в Коллегии иностранных дел был встречен с сочувствием, но одновременно вызвал и серьезные возражения. Его реализация, с одной стороны, вступала в противоречие с ранее заключенными с калмыцкими правителями договорами (шертями), с другой — требовала решения организационных и правовых вопросов, связанных с имущественными обязательствами и ответственностью калмыков за совершенные правонарушения по прежнему месту жительства. Собственно целью данной статьи и является рассмотрение правовых коллизий, с которыми сталкивалась оренбургская губернская администрация в процессе размещения калмыков на Южном Урале, и их разрешения на правительственном уровне.

В историографии правовые вопросы, связанные с переселением калмыков в пределы России, рассматриваются утилитарно, в контексте исследований определенной направленности. Они затрагиваются в работах, посвященных истории Калмыцкого ханства [1; 16; 21], истории российско-калмыцких отношений [13; 19], христианизации калмыков

© Джунджузов С. В., 2020

и переселению крещеных калмыков в Среднее Поволжье [8; 10; 15]. Авторы анализируют взаимные обязательства, вытекавшие из статей российско-калмыцких договоров, приводят статистику численности крещеных калмыков, описывают негативную реакцию владельцев на смену исповедания подвластных им калмыков. Наименее изученной остается ранняя история поселения калмыков в Оренбургской губернии. Как правило, исследователи ограничиваются ссылками на труды первого историка Оренбургского края П. И. Рычкова [23]. Существенно расширить представление о контингенте оренбургских калмыков позволило обращение к фонду Оренбургского духовного правления. В нем собраны дела о крещении иноверцев в Оренбурге в XVIII в. [9].

Источниками для данной статьи послужили также ранее не публиковавшиеся материалы из фонда Оренбургской губернской канцелярии Государственного архива Оренбургской области. В них представлена переписка первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева с Коллегией иностранных дел по правовым вопросам, связанным с разрешением калмыкам селиться в Оренбурге и в крепостях на пограничной линии.

Ходатайство о возвращении с Дона и Яика всех скопившихся там некрещеных калмыков возбудили наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши и дербетский владелец Лабан-Дондук. Коллегиальные чиновники просьбу о возвращении беглых калмыков их прежним владельцам сочли обоснованной. В донесении Правительствующему Сенату от 10 июня 1745 г. ими высказывалось мнение, что некрещеным калмыкам ни в коем случае нельзя внушать надежду даже на самую возможность их переселения в Россию: «...ибо, когда сие в калмыцких улусах внушено будет, то и еще не одна тысяча калмык в российские жилища прибегут, которых всех обнять и поселить будет неудобно. А владельцы, приняв то за крайнее себе огорчение, толь наипаче, что тем вся их власть в наказании и штрафовании подданных им калмык отымаится, не были бы принуждены с оставшимися у них улусами разойтись в рознь» [2, л. 195—195 об.].

И. И. Неплюеву было дозволено объявить зайсангам о допуске их к поселению в выбранных крепостях, но при соблюдении двух условий: не возводить сооружений буддийского религиозного культа («публичного идолского капища строить не допускать») и, если калмыцкие владельцы потребуют их возвращения в свои улусы, то удерживать их губернатор будет не в праве. Он лишь мог сослаться на Привилегию городу Оренбургу, данную Анной Иоанновной в 1734 г., согласно которой иностранцы получали право свободно селиться, заниматься торговлей и ремеслами и также беспрепятственно возвращаться в свое отечество [2, л. 196—196 об.].

Рекомендацию Коллегии иностранных дел И. И. Неплюев воспринял как альтернативное руководство. В 1746 г. в Яицкий городок приезжал калмыцкий владелец Номчин Любжин в сопровождении конвоя из сорока человек. Он потребовал возвращения кочевавших при казачьем городке своих улусных калмыков и выплаты полагающихся с них податей. Свое право на их возвращение Любжин удостоверял письмом от наместника Калмыцкого ханства и ордером от астраханского губернатора. И. И. Неплюев, как он объяснял, «преемля [резолюцию Коллегии иностранных дел] за неточную» и ссылаясь на данную Оренбургу привилегию, отказался передать калмыков их законному владельцу. Упорно не желали возвращаться в Калмыцкое ханство и сами калмыки. Они грозились умереть в степи, если к ним применят силу и отдадут прежнему владельцу. В поддержку калмыков выступили и яицкие казаки, видевшие в калмыках источник пополнения своего войска. И. И. Неплюев также искал аргументы, способные заинтересовать правительство в оставлении калмыков на Южном Урале. Он полагал, что высланные им насильно калмыки разбегутся по окрестным степным просторам и будут промышлять воровством и разбоем.

Однако мнение оренбургского губернатора не произвело на сотрудников Коллегии иностранных дел должного впечатления. Ему было поставлено на вид, что своим отказом в возвращении некрещеных калмыков владельцу Номчин Любжину он нарушил целый ряд российско-калмыцких договоров и высочайших указов. Первым из них значилось обязательство России, зафиксированное в договорах от 27 февраля 1673 г. и 10 января 1677 г.: «калмык и [подвластных] их татар, которые будут уходить в российские города и таких некрещеных отдавать им возвратно». Затем шло Определение Правительствующего Сената 1725 г., запрещавшее Яицкому войску впредь принимать и селить на Яике некрещеных калмыков. 4 февраля 1736 г. учрежденный Анной Иоанновной Кабинет министров распространил эту норму на все российские города. Городским управителям запрещалось принимать на жительство некрещеных калмыков без писем и прошений их владельцев [3, л. 33].

Коллегия иностранных дел призвала И. И. Неплюева строго придерживаться, невзирая на прошения Войска яицкого, перечисленных выше договоров и указов. Исходя из сложившейся ситуации, Коллегия дозволила продлить пребывание некрещеных калмыков при Яицком городке, но лишь до тех пор, пока за ними не приедут с конвоем нарочные от калмыцких владельцев. В расчет принималась и угроза побегов калмыков в казахские жузы. В связи с чем за вновь приходившими в Яицкий городок калмыками, не желавшими принять крещение, предписывалось установить строгое наблюдение. Чтобы не вызывать новых жалоб со стороны калмыцких владельцев, старшинам и казакам «крепким указом» запрещалось отбирать у калмыков их детей [3, л. 34—34 об.]. После столь жесткой отповеди со стороны правительства оренбургский губернатор больше не мог рассчитывать на пополнение населения вверенной ему губернии за счет привлечения некрещеных калмыков.

Аналогичная ситуация с выходцами из Калмыцкого ханства сложилась на Дону. Они не хотели менять вероисповедание, переселяться в Среднее Поволжье и присоединяться к ставропольским крещеным калмыкам, но еще больше они не хотели и боялись возвращения к своим владельцам. В 1746 г. в Военную коллегия из Донского казачьего войска поступило донесение, что о добровольном желании принять крещение заявили до 50 кибиток (семей), выходцев из улусов наместника Калмыцкого ханства и дербетского владельца. Однако через год выяснилось, что в действительности пожелавших стать православными христианами среди этих калмыков оказалось лишь несколько человек. Об их истинных намерениях в промемории Военной коллегии говорилось следующее: «Как из обстоятельства их обращения видно, что только б не отданы они были в те улусы, от коих бежали, и под именем крещеных на Дону жили, а истинного желательства в православии в них не признается» [3, л. 56].

Когда на Дон от полковника Спицына поступило известие, что наместник ханства Дондук-Даши намерен послать в Черкасск зайсанга Андона для возвращения ушедших к донским казакам сотни кибиток, то калмыки стали дружно требовать проведения над ними обряда крещения. Однако вскоре выяснилось, что это было лишь проявление своеобразной тактики выжидания и затягивания. Как только слухи о присылке за ними из улусов нарочных с конвоем прекращались, калмыки напроочь забывали о желании перейти в христианство. Военная коллегия предлагала таких приспособленцев отправлять обратно в Калмыцкое ханство, «чтоб от них впредь и прочим воспринявшим веру не было соблазнов, а особливо и наместник ханства за прием их за неотдачею обиды себе не предпочел» [3, л. 57].

Схожесть позиции Коллегии иностранных дел и Военной коллегии ограничивалась отношением к некрещеным калмыкам. Их взгляды на размещение крещеных калмыков

существенно различались. Коллегия иностранных дел требовала отправки всех изъявлявших желание креститься калмыков в Ставрополь-на-Волге. Военная коллегия проявляла заинтересованность в приросте войскового казачьего населения. Упомянувшееся выше Определение Сената, запрещавшее Яицкому войску принимать некрещеных калмыков, было принято по представлению Военной коллегии и допускало два существенных отступления. Во-первых, Яицкому войску было разрешено оставить 110 некрещеных калмыков, зачисленных в него до издания Определения. Во-вторых, воспринимавших крещение калмыков разрешалось причислить к Войску и привлекать к казачьей службе. Это правило Военная коллегия стремилась распространить и на Донское казачье войско. Согласно «отписке» Коллегии иностранных дел от 22 апреля 1747 г., Донское войско получило от Военной коллегии Определение, допускавшее принимать на службу в него крещеных калмыков, отказывавшихся от переселения в Ставрополь [3, л. 57 об.].

Копии правительственных указов, адресованные Донскому казачеству, поступали в Оренбургскую губернскую канцелярию. И. И. Неплюев был обязан строго следовать содержащимся в них предписаниям. Поэтому, когда в 1749 г. в Оренбург приехал нарочный от наместника Калмыцкого ханства зайсанг Ноуват и потребовал выдачи калмыков, поселенных в Оренбургском крае, у И. И. Неплюева оставался единственный выход — предложить оренбургским калмыкам воспринять православие. Согласно заключенным российско-калмыцким договорам, тайшам указывалось: крещеных калмыков обратно в свои улусы «не просить и не бить об них челом» [3, л. 58]. В фонде Оренбургской консистории сохранилась датируемая августом 1749 г. ведомость о добровольном крещении калмыков, кочевавших при Оренбургской и Чернореченской крепостях. О желании стать православными христианами объявили 84 человека [6, л. 1—1 об.]. Совокупно с 28, крещенными ранее, общая численность оренбургских крещеных калмыков составила 112 человек.

Калмыцкие правители крайне болезненно реагировали на смену вероисповедания своих подданных. Они теряли как политическую, так и экономическую власть над крещеными калмыками. Общее мнение калмыцкой знати выразила в письме к астраханскому губернатору найонша Солома. Она жаловалась, что калмыки из ее улуса принимают крещение исключительно, чтобы не платить подать и не нести ответственность за воровство. «Если из моего улуса все люди побегут креститься, то мне не с кого будет брать дань». Письмо заканчивалось просьбой о возвращении всех крещеных калмыков в улусы и запрете крещения калмыков в будущем [22, с. 108].

В 1720—1730-е гг. христианизация калмыков приняла масштабный характер. По сведениям Астраханской духовной консистории, с 1724 по 1735 г. приняли крещение 863 кибитки «и в них мужского и женского пола 2883 души» [14, л. 28]. К. В. Орлова, основываясь на материалах Архива внешней политики Российской империи, доводит численность крещеных калмыков до 6 тыс. [15, с. 58]. Последняя цифра более объективна, так как она учитывает не только калмыков, крещеных «при Астрахани», но и калмыков, крестившихся в других местах: Царицыне, Дмитриевске, Саратове, Дубровке. Всего, по сведениям, собранным Коллегией иностранных дел в 1736 г., переселению в отведенное для них место подлежали 5383 крещеных калмыка [17, л. 13 об.].

Крещеные калмыки соглашались селиться в окрестностях российских городов, располагавшихся поблизости от их бывших улусов. Такое соседство позволяло им поддерживать связи со своими некрещеными родственниками и сохранять привычный кочевой образ жизни в астраханских, донских и яицких степях. В то же время многие из них искали разные способы, чтобы уклониться от переселения в Среднее Поволжье с его суровым климатом, малоземельем, на которые накладывалось принуждение к оседлости

и крестьянскому труду. Даже калмыцкая крещеная правительница княгиня Анна Тайшина, для проживания которой и была построена Ставропольская крепость, в июле 1737 г. просила хана и своего отца, дербетского нойона Четыря, взять ее к себе [22, с. 137—138].

К концу 1737 г. в основанном для крещеных калмыков поселении числилось 2440 человек [7, с. 427] — менее половины от общего числа калмыков, проходивших в разное время обряд крещения. Анна Тайшина была вынуждена даже просить содействия императрицы Анны Иоанновны в возвращении более тысячи кибиток крещеных калмыков, сбежавших в улусы хана Дондук-Омбо [18, л. 4].

С 1724 по 1735 г., т.е. со времени крещения первого калмыцкого владельца Петра Тайшина, о необходимости переселения крещеных калмыков во внутренние губернии Российской империи писали все без исключения астраханские губернаторы. После образования Средневожского поселения крещеных калмыков и создания там православной миссии Коллегия иностранных дел распорядилась всех калмыков для крещения и дальнейшего поселения отправлять в Ставрополь, «где имеются протопоп и другие священнослужители, в калмыцком языке искусные». Участие в этом процессе православного духовенства и чиновников на местах ограничивалось выяснением добровольного желания калмыков стать православными христианами и согласия на переселение в Ставрополь. Калмыков, уклонявшихся от крещения и переселения, велено было возвращать обратно в улусы [3, л. 61].

Казавшийся окончательно урегулированным вопрос о месте пребывания крещеных калмыков был вновь поднят в 1743 г., когда на Дон со всей своей семьей и 150 кибитками улусных калмыков явился дербетский владелец Чидан. В Черкасске он выразил желание принять крещение, а также попросил дозволения о поселении и несении службы на Дону. Коллегия иностранных дел не стала делать для него исключения и 4 сентября 1743 г. распорядилась отправить вместе с улусными людьми для крещения и поселения в Ставрополь [3, л. 58].

В обоснование своего требования Коллегия ссылалась на негативный опыт предыдущих поселений крещеных калмыков вблизи Калмыцкого ханства. В 1700 г. зайсангом Яманом было разграблено и сожжено селение крещеных калмыков, располагавшееся около Саратова на реке Трешке. Хан Аюка оправдывал разбойные действия Ямана правом зайсанга «забирать своих холопов» [8, с. 175]. Сообщения о побегах и захватах владельцами крещеных калмыков поступали с Яика, из Азова и из Слободского Острожского полка, но особенно часто — из Астраханской губернии. Противоположным, положительным, примером служило Ставропольское поселение, из которого, как уверял канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, с 1737 г. «из крещеных калмык, хотя оных там и несколько тысяч есть, ни один побег не учинен» [3, л. 59 об.].

Оренбургский губернатор И. И. Неплюев добился разрешения селить крещеных калмыков в окрестностях Оренбурга и причислять к казакам Оренбургского казачьего войска. К 50-м гг. XVIII в. численность оренбургских казаков-калмыков настолько увеличилась, что в декабре 1753 г. было принято решение о формировании из них отдельной роты (сотни) со штатным расписанием и должностными окладами [19, с. 87].

Источниками пополнения калмыцкого населения Оренбургского казачьего войска служили калмыки, бежавшие из киргиз-кайсацкого (казахского) плена, переселенцы с низовьев Яика. Позднее к оренбургским калмыкам подселили несколько сот калмыков из Ставропольского калмыцкого войска. Принимая в свое ведомство калмыков, И. И. Неплюев не считал нужным наводить о них справки. Он справедливо полагал, что в результате длительного нахождения в киргизском плену или долгого проживания за пределами Калмыцкого ханства эти калмыки утратили связь со своими владельцами и улусами.

Однако после того, как наместник Калмыцкого ханства принес жалобу на коменданта Яицкого городка, распорядившегося крестить бежавшего из киргизского плена калмыцкого мальчика без его добровольного согласия, Коллегия иностранных дел обусловила прием калмыков в Оренбурге дополнительными условиями. Оренбургский губернатор должен был лично удостовериться в добровольном желании калмыков принять Святое Крещение и поставить об этом в известность астраханского губернатора и состоявшего при калмыцких делах полковника Н. Спицына [4, л. 31—32].

Требование к оренбургскому губернатору о наведении справок о поселявшихся в Оренбургском крае калмыках стало отголоском на дипломатический демарш наместника Калмыцкого ханства против проводимой в отношении его народа политики христианизации. Не имея легальной возможности удерживать принимавших крещение калмыков, Дондук-Даши развернул кампанию по их дискредитации. Он объявлял, что немалое число калмыков, из тех, что вышли из неприятельского плена или русскими людьми «воровски и насильством» из калмыцких улусов уведены, содержатся в неволе и принуждаются к крещению. Тех же калмыков, которые сами уходили из улусов в русские города для принятия крещения, он называл притворщиками и ворами. Они, по убеждению наместника, крестятся лишь для того, чтобы избежать наказания за совершенные преступления и не отвечать по долговым обязательствам.

Российское правительство не оспаривало обоснованность выдвинутых Дондук-Даши претензий. Однако в первом же пункте адресованной ему 28 июня 1748 г. Высочайшей грамоты разъяснялось, что всем желающим перейти в православие «согласно христианскому закону отказать невозможно». Любой человек, «какой бы он нации и закона ни был, и откуда бы ни пришел, все приемлются» [4, л. 123—123 об.]. Четвертый пункт этой Грамоты предусматривал ответственность и наказание для тех российских подданных, в отношении которых будет доказано, что они захватили и удерживают у себя калмыков. В качестве наказания за каждого удерживаемого человека предусматривался штраф в размере 20 рублей. Неплатежеспособных предписывалось бить кнутом на торгу. Некрещенные калмыки возвращались в улусы к своим владельцам, крещенные — отправлялись на жительство в Ставрополь. Их бывшим владельцам в качестве компенсации за каждого человека выплачивалось по 30 рублей. Выплачивать компенсацию должны были лица, принуждавшие калмыков к смене исповедания, а в случае их неплатежеспособности — государственная казна. Расходы казны компенсировались за счет использования труда должников на казенных учугах (рыбных промыслах. — С. Д.) или на других принудительных работах. За каждый год такого подневольного труда из долговой суммы предусматривалось списание 19 рублей [4, л. 124].

Российская сторона полностью разделяла мнение калмыцкого правителя о недопущении к крещению калмыков, обвиняемых в совершении уголовных преступлений. В пункте втором Грамоты подтверждалось Определение Кабинета министров от 4 февраля 1736 г. со следующей формулировкой: «Которые калмыки в улусах ваших учиняя убийство или какое явное злодейство будут приходить для крещения в наши российские города и таковых принимать не велено» [4, л. 123 об.].

До середины 40-х гг. XVIII в. неурегулированным оставался вопрос о добровольном крещении калмыков, за которыми числились в Калмыцком ханстве денежные долги и обязательства. С такой дилеммой весной 1744 г. столкнулся астраханский губернатор В. Н. Татищев. К нему обратились три калмыцкие семьи, задолжавшие значительные суммы денег своим соплеменникам, а также татарам и русским. На допросе они показали, что желают креститься не добровольно, а для уклонения от платежа. Тогда же с прошением о возвращении этих калмыков в Калмыцкое ханство либо выплаты числящихся

за ними долгов к Татищеву обратился наместник Дондук-Даши. Губернатор решил отправить должников обратно в их улусы. Во избежание подобных коллизий в будущем В. Н. Татищев просил Коллегию иностранных дел составить для него указ. Со своей стороны он предлагал небольшие долги, до пяти или даже десяти рублей, выплачивать из казны, «ибо они в Ставрополе могут более того пользу приносить» [6, л. 200—200 об.].

18 июня 1745 г. по представлению Коллегии иностранных дел Правительствующим Сенатом было определено: долги калмыков, изъявивших добровольное желание стать православными христианами, покрывать за счет их скота и имущества. Неплатежеспособных калмыков без крещения отправлять обратно в улусы. Исключение делалось только для тех из них, кто смогут представить достоверные свидетельства, что явились в русские города не менее чем через полгода после заключения долгового обязательства и за это время от кредиторов не получали требования о его погашении [6, л. 202—202 об.].

Аналогичная ситуация с долгами желавших креститься калмыков, но уже в отношении русских людей, возникла в 1746 г. 14 марта астраханский губернатор И. О. Брылкин уведомил Коллегию иностранных дел, что при Астрахани собралось до 500 калмыков мужского и женского пола, готовых отправиться в Ставрополь для принятия крещения. Но к нему обратились астраханские рыбопромышленники, которые объявили, что из тех калмыков до 40 человек подрядились к ним на рыбные и соляные промыслы. На основании заключенных договоров они получили в задаток деньги и муку. Образовавшийся долг калмыки-подрядчики смогут погасить только по завершении подрядных работ. Со своей стороны И. О. Брылкин высказывался против оставления этих калмыков на промыслах из опасения «дабы оные <...> будучи в работе, не оставили к крещению намерения и не разбежались бы по улусам калмыцким и от того русских людей долги безвестно пропадут». В Коллегии, а за ней и в Правительствующем Сенате, сочли опасения астраханского губернатора излишними. Правительственные сановники справедливо рассудили, что даже если направленные на промысловые работы калмыки откажутся от крещения, «с того закону нашему предосуждения быть не может». Основываясь на этом суждении, 22 июля 1746 г. сенаторы постановили: распространить на долги калмыков русским кредиторам предписания указа, данного годом ранее наместнику Калмыцкого ханства. Для уведомления копии с этих указов И. И. Неплюев должен был отправить в Ставрополь и Яицкий городок [6, л. 12—13 об.].

Оренбург стал вторым после Ставрополя-на-Волге городом, в окрестностях которого было позволено селить крещеных калмыков. Оренбургские калмыки были зачислены в Оренбургский казачий корпус и оставались казаками вплоть до расформирования Оренбургского казачьего войска после установления на Южном Урале Советской власти. Велика роль первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева в создании калмыцкого поселения на Южном Урале и последовательного отстаивания права калмыцких поселенцев жить на оренбургской земле. Ему пришлось подчиниться политической линии правительства, допускавшей в соответствии с российско-калмыцкими договорами на постоянное жительство в России только крещеных калмыков, и то лишь на отведенной им в Среднем Поволжье территории. Но, в отличие от атаманов Донского казачьего войска, Неплюев сумел убедить правительство в необходимости размещения крещеных калмыков в крепостях на Яике и тем самым обеспечить усиление обороноспособности Российской империи в юго-восточном пограничье.

Список использованных источников и литературы

1. Батмаев М. М. Калмыки в XVII—XVIII вв. События, люди, быт. Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1993. 382 с.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 911.
7. Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2014. 434 с.
8. Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725—1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172—191.
9. Джунджузов С. В. «Они люди степные и в вере еще не совершенные...». Оренбургский след в крещении калмыков // Родина. 2014. № 10. С. 110—112.
10. Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX в.). Элиста : Джангар, 1995. 128 с.
11. Зудина В. Н., Перла Н. Ю. Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII—XIX вв. (к вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2. С. 87—100.
12. Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть I. Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550—1725 гг.). Уральск : Войсковая тип., 1911. 1013 с.
13. Курапов А. А. Российская государственность и буддийская община калмыков в XVII—XIX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 4. С. 87—93.
14. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248.
15. Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М. : Восточ. лит., 2006. 207 с.
16. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1. Астрахань : Калм. обл. исполком, 1926. 264 с.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 288. Оп. 3. Кн. 140.
18. РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6.
19. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренб. отд. Имп. рус. геогр. о-ва, 1887. 405 с.
20. Трепавлов В. В. Калмыки и Россия в XVII—XVIII вв.: подданные, вассалы или союзники // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий / под ред. А. Н. Команджаева. Элиста : Джангар, 2008. С. 58—70.
21. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : Джангар, 2007. 464 с.
22. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724—1741 гг.: Хроники династийных междоусобиц. Элиста : Джангар, 2005. 160 с.
23. Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIX в.). Элиста : Калмыцкий институт общественных наук РАН, 1992. 320 с.

Поступила в редакцию 10.01.2020

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djund@yandex.ru

UDC 94(470.56).065:(=512.37)

S. V. Dzhundzhuzov

Legal regulation of the settlement of the Kalmyks in Orenburg in the 40s of the XVIII century

Orenburg became the second after Stavropol-on-Volga, in the vicinity of which baptized Kalmyks were allowed to settle. The article examines the legal conflicts faced by the Orenburg provincial administration in the process of placing the Kalmyks in the South Urals and their resolution at the government level. These included issues related to property obligations and Kalmyk liability for offenses committed. In accordance with the Russian-Kalmyk agreements on permanent residence in Russia, only baptized Kalmyks were allowed, and that only in the territory allotted to them in the Middle Volga. However, the first Orenburg Governor I. I. Neplyuyev managed to convince the government of the need to place baptized Kalmyks in fortresses on the Yaik and thereby ensure the strengthening of the defense capability of the Russian Empire in the southeastern borderland.

Key words: province, accord, baptized Kalmyks, settlement, law.

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djund@yandex.ru

References

1. Batmaev M. M. *Kalmyki v XVII—XVIII vv. Sobytiya, lyudi, byt* [The Kalmyks in the XVII — XVIII centuries. Events, people, life]. Elista, Kalmyts. kn. izd-vo Publ., 1993. 382 p. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO). F. 3. Op. 1. D. 6.
3. GAOO. F. 3. Op. 1. D. 13.
4. GAOO. F. 3. Op. 1. D. 14.
5. GAOO. F. 3. Op. 1. D. 6.
6. GAOO. F. 172. Op. 1. D. 911.
7. Dzhundzhuzov S. V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII — pervaya chetvert' XX veka)* [The Kalmyks in the Middle Volga and in the Southern Urals: imperial acculturation mechanisms and the problem of preserving ethnic identity (mid 30^s of the XVIII — the first quarter of the XX century)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2014. 434 p. (In Russian)
8. Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskii S. V. *Missionerskaya deyatel'nost' Nikodima Lenkeevicha v Kalmytskom khanstve (1725—1734 gody)* [Missionary activity of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725—1734)]. *Novyi istoricheskii vestnik — The New Historical Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 172—191. (In Russian)
9. Dzhundzhuzov S. V. “Oni lyudi stepnye i v vere eshche ne sovershennyye...”. *Orenburgskii sled v kreshchenii kalmykov* [“They are steppe people and not yet perfect in faith...” Orenburg trace in the baptism of Kalmyks]. *Rodina*, 2014, no. 10, pp. 110—112. (In Russian)
10. Dordzhieva G. Sh. *Buddizm i khristianstvo v Kalmykii. Opyt analiza religioznoi politiki pravitel'stva Rossiiskoi imperii (seredina XVII — nachalo XX v.)* [Buddhism and Christianity in Kalmykia. The experience of analyzing the religious policy of the government of the Russian Empire (mid XVII — early XX century)]. Elista, Dzhangar Publ., 1995. 128 p. (In Russian)
11. Zudina V. N., Perla N. Yu. *Stavropol'skie kalmyki i buddizm v prostranstve yugo-vostochnogo frontira Evropeiskoi Rossii v XVIII—XIX vv. (k voprosu o sokhranении traditsionnoi very)* [Stavropol kalmyks and buddism on the territory of Southeastern frontier of European Russia in the XVIII—XIX centuries (to the question of preservation of traditional faith)]. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2012, no. 8/2, pp. 87—100. (In Russian)
12. Karpov A. B. *Ural'tsy. Istoricheskii ocherk. Chast' I. Yaitskoe voisko, ot obrazovaniya voiska do perepisi polkovnika Zakharova (1550—1725 gg.)* [The Ural people. Historical background. Part I. The Yaitsk army, from the formation of the army to the census of Colonel Zakharov (1550—1725)]. Ural'sk, Voiskovaya tip. Publ., 1911. 1013 p. (In Russian)

13. Kurapov A. A. Rossiiskaya gosudarstvennost' i buddiiskaya obshchina kalmykov v XVII—XIX vv. [Russian statehood and the Buddhist community of the Kalmyks in the XVII — XIX centuries]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2010, is. 4, pp. 87—93. (In Russian)
14. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archives of the Republic of Tatarstan]. F. 10. Op. 2. D. 1248.
15. Orlova K. V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII — nachalo XX v.* [The history of the Christianization of the Kalmyks: mid XVII — early XX century]. Moscow, Vostochn. lit. Publ., 2006. 207 p. (In Russian)
16. Pal'mov N. N. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. Ch. 1* [Studies on the history of the Volga Kalmyks. Part 1]. Astrakhan, Kalm. obl. ispolkom Publ., 1926. 264 p. (In Russian)
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 288. Op. 3. Kn. 140.
18. RGADA. F. 819. Op. 1. D. 6.
19. Rychkov P. I. *Topografiya Orenburgskoi gubernii* [Topography of the Orenburg Province]. Orenburg, Orenb. otd. Imp. rus. geogr. o-va Publ., 1887. 405 p. (In Russian)
20. Trepavlov V. V. Kalmyki i Rossiya v XVII—XVIII vv.: poddannye, vassaly ili soyuzniki [The Kalmyks and Russia in the 17th — 18th centuries: subjects, vassals or allies]. *Kalmyki v mnogonatsional'noi Rossii: opyt chetyrekh stoletii* [The Kalmyks in multinational Russia: the experience of four centuries]. Elista, Dzhangar Publ., 2008, pp. 58—70. (In Russian)
21. Tsyuryumov A. V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [Kalmyk Khanate as part of Russia: problems of political relations]. Elista, Dzhangar Publ., 2007. 464 p. (In Russian)
22. Tsyuryumov A. V. *Kalmytskoe khanstvo v 1724—1741 gg.: Khroniki dinastiinykh mezhdousobits* [Kalmyk Khanate in 1724—1741: Chronicles of dynastic feuds]. Elista, Dzhangar Publ., 2005. 160 p. (In Russian)
23. Shovunov K. P. *Kalmyki v sostave rossiiskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII — XIX v.)* [The Kalmyks as part of the Russian Cossacks (second half of the 17th — 19th centuries)]. Elista, Kalmytskii institut obshchestvennykh nauk RAN Publ., 1992. 320 p. (In Russian)